

ДВУСТОРОННЯЯ СВЯЗЬ

—Действует надежно!

Рисунок И. СЕМЕНОВА

КРОКОДИЛ

№ 10 (1696) • ГОД ИЗДАНИЯ 41-й • 10 АПРЕЛЯ 1963

ЦЕНТНЕР ФИТИЛЕЙ С ГЕКТАРА

ИНДУСТРИЯ О ДВУХ КОНЦАХ

Технический прогресс идет и вширь и вглубь. Недавно побывали мы в одном индустриальном центре. Размах! Масштабы! Темпы! Техгигант. Работа кипит. Над чанами пар, как над плавательным бассейном «Москва».

Здесь бумагу особого сорта — асбобумагу — размачивают и размолачивают. Потом эта асбомасса превращается в массу фитилей. Для керогазов.

Повернули за угол. Шеренга токарных станков. Гул, шум, треск. Начальство, конечно, на местах.

— План давай!.. Стружку снимай!..

Вырабатываются тут разной конфигурации палки. О двух концах. Для насадки лопат, колунов, кувалд и прочих полезных инструментов.

Неподалеку, в здании типа межрайонного дворца спорта, сразу ряд производств. Там — белым-бело: капрон крутят в тугие веревки. Тут — пыль столбом. Производственная пыль. Мочалки на-гора́ выдают.

А вот самый центр предприятия: скрипучие лебедки, барабаны, вороты. Движет их благородный ручной труд: денно и нощно наматывается, перематывается и сматывается канат.

Время от времени кирпичные своды оглашаются кличем:

— Макалка простаивает!

И тогда в обширную купель, заполненную отработанным маслом, плюхается новая партия каната. Мешкать нельзя: за стеной нетерпеливо гудит автотранспорт...

Тут же, конечно, деловые люди.

— Что привез? — осведомляется на бегу фигура с пачкой накладных под мышкой.

— Утильсети из Клайпеды! Завтра в Мурманск, за новой партией.

— А ты откуда, братишка?..

— Из Барнаула, вестимо. Проездом во Владивосток. За получкой заскочил...

— Ку-ка-ре-ку! — внезапно перекрывает напряженный производственно-деловой гул шалый сельский петух.

Почему петух? Зачем петух?

А потому, что это колхоз. Пригородный. Подмосковный.

ПРОМФИНПЛАНЫ

— Итак, товарищи члены правления, подобьем итоги. Урожаи... хм... А доходы по черенкам мы повысили.

— И больше настрогали бы — сырье подвело...

— Ничего, новые резервы изыщем. Зато надои по фитилям... я имею в виду выручку за последнее полугодие — мы не добрали... Недоработали мы на данном участке...

— Так ведь мешают перевыполнять. Давеча опять бумагу не завезли. Простаиваем.

— Вывернемся! Перекроем мясопоставки... кхе... сбытом утильканата. Вытянем!

— Падеж у нас,— робко заметили из задних рядов.

— Падеж?.. Не в этом сейчас главное, товарищи. Открываем новую ферму... простите, фирму. Говорят, можно из пожарных касок дамские шляпки производить. Модно, говорят...

ЖИЗНЬ БЬЕТ КЛЮЧОМ

Неслыханное, казалось бы, дело: черенковые урожаи, фитильные надои, канат в счет мясопоставок... Но именно таков лексикон членов правлений некоторых подмосковных колхозов.

Председатель артели «Путь к коммунизму», что под Истрой, Г. Ф. Кубасов, неожиданно для Мособлсовета взял курс на доходную выделку керогазовых фитилей.

Решил не плестись в хвосте и голова колхоза «Авангард», Волоколамского района, В. С. Войтенко. Начисто оголив окрестные холмы, он начал усердно выпускать топорища да черенки.

Очарованных легкими прибылями председателей не смущало, что сырье зачастую попадало к ним, минуя приходно-расходные книги. Игра стоила свеч: одни только фитили, к примеру, давали колхозу добрую треть доходов.

Председатель колхоза имени Кирова Мытищинского производственного управления И. А. Снимщиков тоже считает сельхозпроизводство занятием скучным и неблагодарным. В колхозе коровы мычали, но не телились. Куры кудахтали, но не неслись. Поля зеленели, но не колосились. Потому и внедрял председатель гвоздильный промысел, металлографию, модельное ремесло. Но по-настоящему коммерческая жизнь забила ключом, когда явился к Снимщикову некий шустрый делец Любославский.

— Веревка — вот что тебе нужно, председатель!

Глава колхоза с ужасом взглянул на пришельца.

— Да ты не бойсь. Я тебе не вешаться советую,— подмигнул тот. И доверительно зашептал что-то председателю на ушко.

Вскоре Любославский возглавил колхозный цех прокладочных материалов для сантехники, с которым мы уже познакомились.

Шестьдесят три члена и нечлена колхоза дружно окунали завезенный из Прибалтики утильный канат в утильмасло, скупленное по дешевке в автохозяйствах Москвы и Подмосковья. Продукцию, минуя условности ГОСТа, окрестили «канатом смоленым, нормальным». Он расходился по строительным организациям Москвы, Украины, Узбекистана, Поволжья, Дальнего Востока...

Наивные покупатели охотно платили по три с лишним целковых за килограмм «нормального каната», которому на выставке-распродаже утиля цена три копейки. Готовы были заплатить и больше, ибо никто из них не догадался наладить всамделишное производство прокладки. А барыги из колхоза имени Кирова, хитро посмеиваясь, в короткий срок «нагрели» строителей без малого на два миллиона рублей.

Когда доходы от канатного промысла превысили худосочные прибыли от сельскохозяйственного производства в десять раз, председатель решил:

— Пора выходить в передовики!

Накупил коров, уток — и купленным расквитался по госпоставкам. Часть бычков и телочек променял на сено в Астраханской области. Сено, в свою очередь, выгодно перепродал соседям. Попутно приторговывал и собственной сельхозтехникой. Короче говоря, денег в колхозе куры не клевали. А клевали они пшено, оптом вывезенное из окрестных магазинов.

В конце концов колхоз имени Кирова выскочил в миллионеры. Как раз тогда, когда колхозные коровы резко сократили привесы и надои, на неудобренных подзолах обильно произрастала лебеда, а общие убытки от сельского хозяйства выразились шестизначным числом.

КАПУСТА — ЭТО КАПУСТА

Чем должен заниматься колхоз вообще и пригородный в частности?

Вообще — сельским хозяйством. В частности — картофелем, овощами, молоком, мясом.

Если эту азбучную истину не растолкуют как следует иным председателям пригородных колхозов, в скором времени городские продовольственные магазины пополнятся, чего доброго, очень оригинальными продуктами.

— Дайте полкило фитиля!

— Пожалуйста. Не прихватите ли и гвоздей? Высококалорийные!

— Мне две связки смоленого каната.

— Правильно, у нас же канат — сплошные витамины.

Нет, это уже, конечно, фантазия. Канат не сойдет за краковскую колбасу, и фитиль не заменит капусту. Зато из цифр отчета ничего такого не следует. Доход есть доход, а пахнет ли он молоком или, скажем, жареной картошкой — это мало кого в областных организациях волнует. Пусть хоть соляркой или столярным клеем припахивает, лишь бы концы с концами сходились.

А может быть, вернуть все-таки пригородные колхозы от кустарной индустрии к земле-матушке? Может быть, промышленность как-нибудь справится с фитилями и черенками?

Вопросы эти мы адресуем прямиком руководству Московского сельского облисполкома. И не только московского...

Т. ВОЛЖИНА, Г. ПОРОЖЕНКО,

специальные корреспонденты Крокодила

Московская область.

ЖИВЕТ ОСОБНЯКОМ

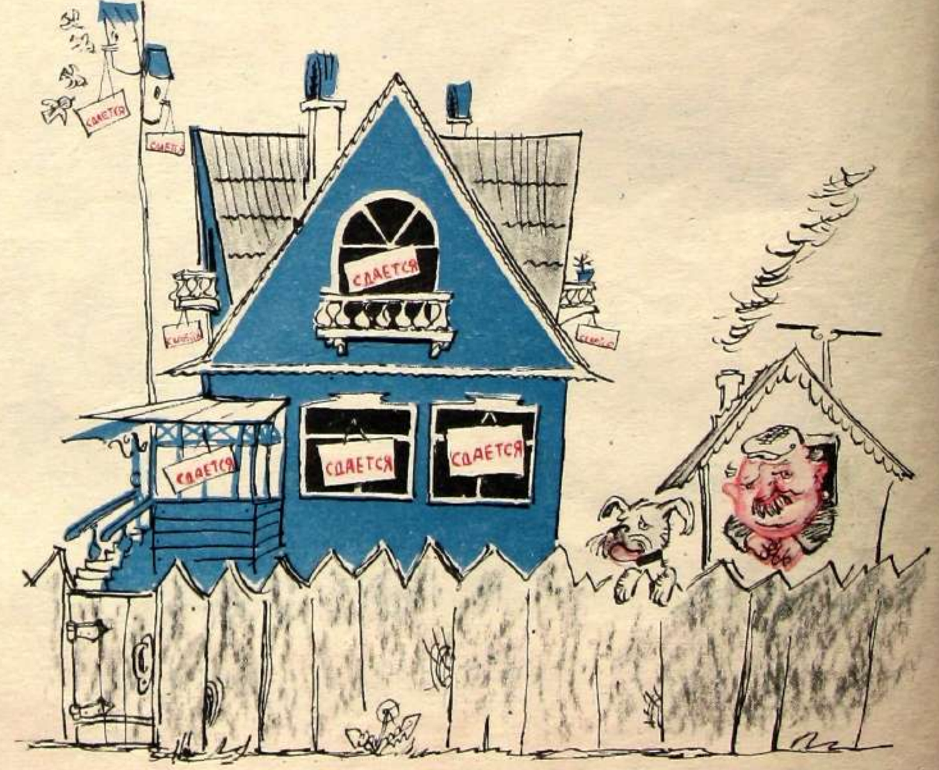

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

— Мы к вам за опытом...
— А мы к вам за молоком!

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

Плачут вагоны...

Да, плачут крупными слезами. И настолько частыми, что, не успевая упасть на землю, слезы застывают на морозе. О чем слезы?

Послушаем хотя бы этого страдальца, что стоит на подъездных путях металлургического завода в городе Коммунарске, Луганской области (см. фото):

— Не удивляйтесь моим слезам, тут и камень заплакал бы. Возил я раньше свекольный жом на потребу свиньям и коровам. Но вот понадобилось КМАруде отправить на металлургический завод руду. И работники Южной дороги сунули меня вместе с моими такими же горемычными коллегами под погрузку, не потрудившись очистить от остатков жома...

Прибыл «слоеный пирог» на завод. Долго здесь ломали головы, как раскусить его? Ничего не придумали и пожаловались руководителям Южной дороги. Заместитель начальника дороги товарищ Конарев обиделся и одернул привередливых:

«...Указанные в вашем письме полувагоны были приняты грузоотправителем для погрузки без каких-либо претензий к железной дороге».

Как бы подтверждая незыблемость своей позиции, горняки и железнодорожники послали коммунарцам еще 26 вагонов с тем же комбинированным грузом — рудожомом. И не знают теперь металлурги, как извлечь руду из вагонов: то ли ломами ее ковырять, то ли попробовать взрывчаткой.

И пробуют. Когда на подъездных путях Саткинского металлургического завода (Южный Урал) раздаются громовые взрывы, окрестные жители не пугаются.

— Руду выгружают... — позевывая, говорят они спросонья. И, повернувшись на другой бок, вновь спокойно засыпают. Уже привыкли.

Интересный способ выгрузки руды — взрывать вагоны!

— Как же это вы додумались, братцы? — спросили как-то железнодорожники, увидев обломки вдребезги расквашенных вагонов. — Ведь вагоны стоят дороже, чем руда, которую вы таким образом выгрузили.

— А как же нам ее, треклятую, выгружать? — оправдывались работники железнодорожного цеха во главе с товарищем Кривошея. — Она в ком смерзлась, не вынешь ее ничем, хоть тресни. Да и вообще чего вы к нам привязались! Разве мы одни вагоны портим?

Что верно, то верно. Вагоны корежат все, кому не лень. На Магнитогорском комбинате, на Челябинском и Златоустовском заводах.

— А мы не взрываем! — обидятся, пожалуй, представители этих предприятий. — Не такие уж мы варвары.

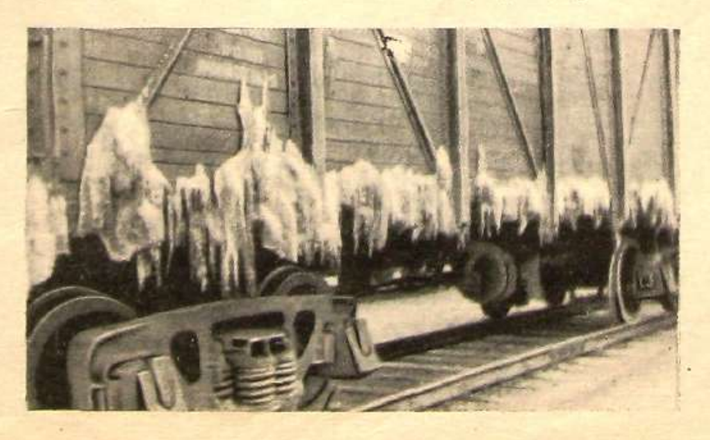
Правильно, не взрывают. Одни ломают вагоны магнитными и грейферными кранами, другие жгут. Челябинский металлургический завод и Златоустовское рудоуправление, например, валят в вагоны раскаленные чугунные чушки и горячий агломерат. Как тут несчастным не загореться! И вагоны уходят с ободранными боками, в дырах, хромая на все колеса.

В общей сложности за истекший год промышленными предприятиями, которые обслуживает Южно-Уральская дорога, повреждено около пяти тысяч вагонов.

— Ну, что с вами делать! — растерянно говорят железнодорожники. — Платите штраф!

— С нашим полным удовольствием! — безмятежно улыбаясь, откликаются виновники массового вагоновредительства. И быстренько лезут за деньгами в карман. В государственный.

А вагоны, как прежде, и стонут и плачут... Навзрыд!

Е. АЛЕКСАНДРОВА

В ОДНУ ЛОШАДИНУЮ СИЛУ

1

А и стряслась сеча великая. Наточили храбры русичи топоры секучие, стрелы колючие да прочую боевую рогатину, вышли из лесов дремучих на лед трескучий и супостата окаянного побивать почали. Так надо было.

2

А и поведал мне ту историю прямой потомок тех славных русичей пскович Арсентьев.

— А еще, стало быть, вот что,— заключает Арсентьев.— Очень правильная кинокартина про это дело потом получилась — «Александр Невский». Век бы ее крутил.

Арсентьев знает, что говорит. Он киномеханик в Гдовском районе.

— А если бы я ее век крутил,— продолжает он,— то и висел бы круглый век на доске почета. Факт. Потому как для нас, киноработников, самое первое дело — чтобы денежный сбор большой выходил. А для этого надо крутить фильм такой, который в корне своем переживательный. Киевская киностудия — она этого никогда не упустит. Факт. Охотно поделюсь с вами примером насчет кинокартины «Здравствуй, Гнат». Гнат — это водолаз такой. Сидит это Гнат в речке и благородным поступком занимается, мину, стало быть, на животе держит. Тут вот аккурат зритель и переживает: разорвет Гната на мелкие кусочки или не разорвет? Поспеет спасательный корабль или не поспеет? Или еще такой момент...

— Хватит моментов! — перебивает Арсентьева восемнадцатилетний моторист Женя Федоров.— «Поспеет — не поспеет»! Мы-то уж теперь наверняка опоздаем.

— И чего это ты, Женя, ругаешься? — удивляется Арсентьев.— Будто ты не знаешь, что во всем Васька виноват.

3

Васька невезуч. Ему 19 лет, и он работает не по специальности. Как лошадь. А работать, как лошадь, Ваське нельзя. Года не те. Да и какая уж из Васьки лошадь. Старый, сивый, недужный мерин. Вот он кто. В бытность свою сивкою-буркою приносил Васька в хозяйстве определенный экономический эффект, но с годами укатали сивку крутые горки, и списали его с бухгалтерского баланса. Теперь вывозит Васька на своем горбу всю окрестную культуру, транспортирует кинопередвижку.

Вот и сейчас он тащит сани с киноаппаратурой и бензиновым движком из деревни Мазиха в деревню Колодье. Позади вдоль большака и берегов Чудского озера остались свежесрубленные клубы с упругими усами телевизионных антенн. Стало быть, в глухие места едем! За санями шагаем мы, киноэкипаж, во главе с киномехаником Арсентьевым, который крутит над головой куском электропровода и торопит Ваську: «Гоп, Васька! Гопа! Гопочки!»

А кругом хрусткий снег, лес густой, как сапожная щетка, да воют вдалеке озверевшие весенние волки. Ночь.

4

Но мы все равно опоздали только на час. Кричали женщины «ура», а местные мужчины хватали нас под микитки и весело бросали вверх. Детвора освещала процедуру карманными фонариками.

Потом мы сидели в спецчулане и показывали оттуда картину «Ева хочет спать». Все было хорошо: пленка почти не рваная, звук в изжеванном динамике почти был, денежный сбор также соответствовал.

А потом произошли танцы. У горячей печки сидел плечистый парень и «жарил» на баяне что-то привлекательное. От печки же и танцевали. Некоторые даже без пальто.

В третьем часу население оттанцевалось и разошлось по персональным печкам.

5

Под уклон Васька бежит ходко. Мы даже сидим в санях.

— А кто слыхал, как наш гдовский оркестр гусляров играет? — спрашивает вдруг Арсентьев.— Никто? То-то вот. А я слыхал.

— Это что, он у вас в деревне выступал? — спрашиваю я.

— Не, не в деревне. По деревням он не ездит.

— В Гдове, значит?

— А в Гдов мы не ездим. По радио я его слыхал, когда они в Москве выступали. А здесь—не-ет.

6

В деревне Крутое предполагалось испить водицы. Мы пошли в ближайшую избу.

В избе заседал коллектив старушек и тихо говел. При виде Арсентьева старушки как-то задвигались.

— Ага! — заговорили они.—Здорово, касатики! Опять кино мимо нас провозите? Сколько уж мы без кина сидим!

— Да мы что,— сказал Арсентьев.— Мы и так еле поспеваем.

— Я вот тебе покажу «еле поспеваем»! — зашумела маленькая бабуся.— Ты кто? Киномеханик? А раз так, давай кино показывай, не то живо в «Крокодил» пропишу. Чтоб вас всех перевернуло! — И больно ткнула острым кулачком в киномеханикову спину.

— Вишь, как выкомаривают!— сказал Арсентьев, садясь в сани и почесывая спину.— Гопа, Васька! И попить даже не дали. Факт.

— Ух и вредные старушенции!— поддержал Женя Федоров.— Разве ж тут можно заниматься кинофикацией?

— А ты, Федоров, самый глупырь и есть,— покачал головой Арсентьев.— Тут надо рассуждать умеючи. Наоборот, мы должны добиться, чтобы кино у них ставить. А у тебя ни то и опять же ни се. Факт... Гоп, Васька! Гопа! Гопочки!.. Хотя, нет... Тпру, Васька! Стой же, тебе говорят!

Но было уже поздно. Сани скользнули по склону оврага, Васька рванул, все наше хозяйство разрознилось и покатилось в овраг...

...Васька скакал один. На его пути росло что-то большое и твердое. Васька задел за дерево и остановился. Женя Федоров показался из-под снега.

— Что же ты, черт тебя дери!— закричал он Арсентьеву.— Опять аппаратуру уронил!

— Поди ж ты! — удивился Арсентьев.— Всякий раз на этом месте. Ну и дорога! Однако теперь и напиться можно. Факт.

...Из дощатой часовенки выбегал ручеек. «Святая вода»,— пояснил Арсентьев. В часовенке висели треснувшие иконы. Заправленная лампадка перед самой необлупленной иконой не горела. Испили «святой водицы» и пошли собирать киночасти.

— Попадет вам, ребята, от начальства,— посочувствовал я.—Всю аппаратуру растрясли.

— Не бось,— успокоил Арсентьев.— Мы тут, кроме волков да медведей, никакого начальства не пугаемся. Факт. Да и аппаратуру доламывать, стало быть, дальше и некуда.

7

Родная деревня Арсентьева — Подоспа. Аккуратные избушки в ряд. Одна избушка на отшибе и кем-то внушительно исковеркана.

— Клуб? — спрашиваю.

— Клуб и есть,— отвечают.

— А где заведующий?

— Нету. Раньше был. А теперь на общественность переключили.

— А как общественность?

— Арсентьева мамка печку топит да полы моет. Вот и вся общественность. Зато печка есть. Без печки кино нельзя смотреть. Враз закоченеем: рамы-то не двойные, и крыша опять же в дырах.

— Принцип тут такой,— пояснил Арсентьев.— В дождь крышу не кроют, а в вёдро не каплет.

Около клуба заржавленный турник. Стали вспоминать, кто им пользовался. Старый был турник. Давнишний турник. Такой давнишний, что на нем вроде бы еще Добрыня Никитич кувыркался.

В Подоспе танцев не было. Захолодало.

8

Впереди деревня Щепец. Рядом с нами хрупает по насту некрупное стадо лосей. Щепецкий клуб слегка похуже подоспинского, но заведующий пока есть. Однако это еще ничего не значит. На посту заведующих клубами люди не задерживаются. Хлопотная это работа. В Гдовском районе, например, на 47 клубов и 23 библиотеки отпущено на год 3 500 рублей на ремонт. Ремонтировать можно что угодно. Хочешь — один клуб капитально, хочешь—все клубы газетами обклей.

На приобретение выдано 2 500. Приобретать можно тоже что угодно. Хочешь — полтора «Запорожца», хочешь — сто огнетушителей, а хочешь — тысячу транспарантов. Покупают транспаранты.

Из Пскова в Гдов мы ехали с начальником районной кинофикации А. Никаноровым. Дорожные ухабы мотали «газик», как штормовые волны. Наконец нас тряхнуло девятым валом, и мотор заглох.

— Ничего,— успокаивал начальник.— Зато я его скоро в утиль спишу. Давно уже отъездился «старик».

Всю ночь мы грели «старика» паяльной лампой и крутили заводную ручку. К утру он ожил и довез нас до Гдова. Никаноров заглянул в управление культуры и тут же помчался по деревням чинить киноаппаратуру (аппаратура тоже в годах, и чинить имеет право только киномеханик первой категории. А такой один — Никаноров).

— Вот мы с Арсентьевым,— говорит вдруг Женя Федоров,— непременно дадим тягу из кинофикации. Окончим курсы трактористов и дадим. Ведь так, Арсентьев?

— Факт.

9

Не так давно приезжала в область комиссия из Министерства культуры.

— Ну как тут у вас с общественностью?—спросила комиссия.— На данном этапе это очень важно. А чтобы появились кадры общественности, следует сократить штат заведующих клубами.

Сократили штат на одну треть. В сжатые сроки. Сократить — это просто. А кадры общественные не появились. Не выросли кадры. И, как видно, не собираются их пока выращивать руководители управления культуры Псковской области.

10

Дивные дела вершатся на древней земле храбрых русичей. Можно было много написать о них. Но недосуг. Нужно спешить в те глухие уголки Псковщины, которых минуют общедоступные в наши дни блага цивилизации.

Вот и везем мы туда культуру на двигателе мощностью в одну лошадиную силу.

— Гоп, Васька! Гопа! Гопочки!

Понукал Ваську внештатный член экипажа кинопередвижки Е. МАТВЕЕВ, специальный корреспондент Крокодила.

Псковская область.

— Меня на периферию? Из Москвы? А на кого же я улицу Горького оставлю?

Рисунок Е. ШУКАЕВА

НАФТАЛИННОЕ СЧАСТЬЕ

Папаша Мошкин был в сужденьях краток:
—Счастливым хочешь быть? Имей достаток!
Мамаша Мошкина отнюдь не машинально
Поддакивала мужу своему:
— Фундамент был бы лишь материальный —
А прочее приложится к нему!..
Насчет фундамента супруги не зевали:
Ловчили, урывали, доставали.
А там, глядишь, и появился дом —
С забором крепостным
И со свирепым псом.
Заставили все комнаты вещами
И гардероб набили не один,
Аптеку регулярно посещали:
Был до зарезу нужен нафталин.
Он, так сказать, был в доме вроде соли,
Повсюду добросовестно вонял,
От всех напастей, в том числе от моли,
Он мошкинское счастье охранял.
Все шло как будто гладко, хорошо,
Костюмы шили да ковры сушили...
Вдруг сын, Андрей, от Мошкиных ушел:
Жениться он хотел — не разрешили,
Сказали про невесту, что она
Диплома не имеет и бедна...
Дочь, Ксения, в торгтехникум пошла,
Потом и в магазине оказалась,
Но так в семье воспитана была,
Что через год уже проворовалась,
И ей, как говорится, «дали срок».
Отправили куда-то на восток.

...Теперь семья в составе половинном
Довольствуется счастьем нафталинным.

А. МАЛИН

г. Симферополь.

Великая проблема

Наша фабрика освоила новый вид сырья — древесно-стружечные плиты. Это хорошо.

Снабжать фабрику сырьем обязан череповецкий завод «Фанеродеталь». Но снабжает в малом количестве и из рук вон неритмично. Это плохо.

Древесно-стружечной проблемой занялись Северо-Западный совнархоз, Вологодский обком КПСС, «Росглавлесснабсбыт» и даже СНХ РСФСР. Это, конечно, хорошо.

Никаких результатов от этого вмешательства, однако, не воспоследовало. Это опять плохо.

И пока что древесно-стружечный прогресс обернулся для нас срывом производственной программы и нервотрепкой.

В общем, хорошего мало.

Общественное бюро экономического анализа Вологодской мебельной фабрики: Н. СМИРНОВ, И. СИНЯВИНА, Л. КОВАЛЕВСКАЯ и другие (всего 12 подписей).

ИСКУССТВО ОТЧАЯНИЯ

Западные пропагандисты утверждают, что буржуазное искусство свободно. Да, оно действительно свободно! Свободно от всякой морали, свободно от идеалов, от красоты, от будущего, от всего гуманного. Пользуясь своей «свободой», это искусство разогнало муз, разбило лиры, устроило публичный дом на Парнасе. В храме вдохновения капитал установил банковский сейф, из которого щедро платит всем, кто проповедует отчаяние, безысходность, кто оплевывает все прекрасное, кто застывает в экстазе перед мусорной кучей.

Буржуазному искусству дозволено все: от воспевания убийств и садизма до хрюкающего юмора развратников. Единственное, что категорически запрещено художнику, если он решил отхватить свою долю сребреников,— это призывать к социальной справедливости. До тех пор, пока он не требует, чтобы миллиарды Рокфеллеров пошли на молоко голодным детям, он может твердо рассчитывать на покровительство денежных мешков. Они с удовольствием пролыот на своего лакея от искусства золотой дождь за все, что бы он ни создал: будь то роман из жизни сумасшедших или порнографический фильм.

Именно о таких лакеях, во фраках ли они или в робах художников, мы рассказываем в этой подборке, каждое слово которой — подлинный факт.

«ПСИХ — ЭТО ХОРОШО»

Когда молодой американский писатель Кен Киси нес не так давно свою рукопись «Над кукушкиным гнездом» в издательство «Викинг», он изрядно волновался. И не потому, что сомневался в качестве книги, нет, он верил в нее. Просто действие романа у него происходит в сумасшедшем доме, а это не ново, ох, как не ново в американской литературе последних лет. Достаточно вспомнить такие бестселлеры, как «Капитан Ньюман», «Лица в воде», «Лилит», в которых прошел целый парад шизофреников, параноиков и маньяков.

Но как только в издательстве узнали, что главный герой романа много лет подряд сидит в сумасшедшем доме, прикидываясь глухонемым, молодого писателя обласкали.

— Глухонемой псих — это хорошо,— сказали в издательстве «Викинг».— Сейчас на американском книжном рынке без хорошего безумца можно вылететь в трубу. Мы, можно сказать, только и держимся что на шизофрениках, дай им бог здоровья. Ничего не поделаешь, читатель любит читать о том, что он видит в жизни...

Дела издателей не разошлись со словом, и новый роман Кена Киси пополнил все растущий список американской художественной литературы, посвященной сумасшедшим.

Краткое пояснение

Среди новых приобретений Нью-йоркского музея современного искусства находится большое полотно художника Эда Райнхардта. Картина — абсолютно черная и лишь при тщательном рассмотрении можно найти некоторую разницу в ее оттенках. Под картиной пояснительная надпись, сделанная самим художником:

«Безразмерная картина, бескомпозиционная (одна вертикальная форма отрицает горизонтальную); бесформенная (ни верха, ни низа, ни направленности); не отражает ничего — чистая, абстрактная, беспредметная, безвременная, беспространственная, бессвязная картина — предмет, который не поддается никакому анализу, сам в себе, идеален, трансцендентален, относящийся только к искусству».

Что добавить, когда все сказано!

НОТЫ НАВАЛОМ

Композитор Лукас Фосс считает себя выразителем современности. Вполне понятно, что для своей последней кантаты он не только написал модернистскую музыку, но и взял слова, в которых вся суть мировоззрения капитализма: «Часы не показывают времени и не говорят, чему молиться, потому что у нас нет вообще времени...»

Само собой разумеется, музыка на такую веселенькую темку отличается оригинальностью. Музыкальные фразы, равно как и фразы текста, разлагаются оркестром и солистами на составные части и затем без всякой последовательности стремительно швыряются в зал для последующей сборки слушателями. Сидящие в зале находятся в положении сборщиков-механиков, которым без всякого порядка вываливают разнообразные детали да еще не говорят, что именно они должны собрать.

Однако, несмотря на весь чудовищный хаос звуков, обрушиваемый на слушателей, композитор временами задумывается: не слишком ли все-таки проста его музыка? Очевидно, под влиянием этих сомнений во время исполнения кантаты в Англии Лукас Фосс просил музыкантов по возможности больше импровизировать: хаоса какофонией не испортишь.

Буржуазные критики во весь голос рекламируют Фосса. Один даже написал о его кантате: «Самое значительное произведение за последние десять лет».

Если судить по ее патологическому страху перед временем, перед современностью, тогда работа Фосса действительно достаточно красноречива и достаточно верно передает дух буржуазной действительности.

Продавец снов

Покуда Кенцо Океда не переехал в США, он был художник как художник: рисовал людей, писал пейзажи, натюрморты. Но, ступив на американскую землю, Океда быстро понял, что с такой тематикой недолго и положить зубы на полку. Поэтому он положил на полку кисти, а сам вооружился скалкой и принялся накатывать на холст... свои сны.

«Из того, что я делал в молодости наяву, ничего не помню, а вот сны свои молодые помню один за другим. Хотите нарисую?» — рекламировал себя Кенцо Океда. Жрецы абстрактного искусства его оценили и вознесли.

«Воспоминания» — так называется этот шедевр Океда, изображающий, по его словам, туманные образы, некогда проплывшие в его сознании.

«Малютка Джейн»

Фильм по одноименному роману английского писателя Генри Фарелла. Производство Голливуда. Режиссер — Роберт Олдрич. В главных ролях — Бетт Девис и Джоан Кроуфорд.

Малютка Джейн—существо, испорченное до мозга костей. Терпеть не может своих родителей и младшую сестру, которая, к слову сказать, тоже не сахар.

Джейн вырастает — и элементарно спивается. Младшая сестра вырастает — и становится звездой Голливуда. Тут-то она и решает отомстить Джейн за притеснения в детстве. Киноактриса разгоняет машину, чтобы раздавить бредущую по дороге пьяную в стельку Джейн, но, не рассчитав, врезается в каменные ворота и сама остается без ног. Как реагирует на это Джейн? Она кается. Но она же ни при чем! На деле-то, конечно, ни при чем, но спьяна ей втемяшилось, будто это она, Джейн, сидела за рулем и вела машину.

Сестра-калека всячески укрепляет в сознании Джейн эту бредовую уверенность. И вот чтобы успокоить свою больную совесть, Джейн двадцать пять лет ухаживает за калекой, пока не догадывается, что сестрица ее надула. Теперь уже старуха Джейн решает отомстить калеке.

«Я принесла тебе обед»,— говорит Джейн, ставит перед сестрой сковороду и снимает крышку. «И-и-и-и!» — визжит парализованная, и ее выпученные глаза наливаются кровью. Оно и не удивительно: на сковороде лежит большая, жирная, сочная, хорошо прожаренная крыса!

Преподнеся сестрице такой «деликатес», Джейн в дальнейшем нарочно готовит ей всякие аппетитные, соблазнительные яства. Но парализованная и крошки в рот не берет, потому как опасается — и не без причины,— а не крыса ли это опять? Парализованная медленно чахнет с голоду...

Так и живут две милые старушки, две кроткие христианки.

Американский журнал «Тайм» высокого мнения о фильме «Малютка Джейн». Режиссерскую работу он называет «умелой», игру актрис — «динамичной и талантливой». Снабжают ли зрителей бумажными мешочками вроде тех, что выдаются в самолетах на случай болтанки, «Тайм» не указывает.

ТАЛАНТЫ И ...

ЖЕНСКАЯ КРАСОТА В ИСКУССТВЕ

Американский скульптор Генри Мур утверждает, что больше всего художник должен бояться идеалов красоты. Судя по двум его скульптурам — «Женщина» и «Склонившаяся фигура номер I», кому-кому, а Муру бояться этого не приходится.

ВЕРТЯЩИЙСЯ КОШМАР

Английский драматург Гарольд Пинтер работает на экспорт. Он поставляет нью-йоркским театрам пьесы ужасов. Услышать от критиков: «Бррр, какой кошмар!» — Пинтеру так же лестно, как приме-балерине получить корзину цветов.

В пьесе Пинтера «Вертящийся столик» действуют пара мужчин, Голос и вертящийся столик. Бен и Гус сидят в темном, как ночь, подвале и болтают о том, о сем. Постепенно выясняется, что оба они наемные убийцы и должны изрешетить незнакомца, который войдет в подвал. Вдруг в стене со скрежетом открывается дверца и в проем просовывается край столика. На столике—бумажка с заказом: два бифштекса и два персика. Бен и Гус кладут на столик объедки своего завтрака. Объедки уплывают в проем, а на столике появляется новый заказ — на макароны. «У нас больше нет!» — кричит Гус в переговорную трубу и выходит из подвала попить водички. В это время из переговорной трубы рявкает Голос: «Убей того, кто войдет». Дверь распахивается, и вваливается окровавленный Гус. Кто-то там за дверью успел сделать из него самого бифштекс. Бен, повинуясь Голосу из трубы, стреляет в Гуса. Занавес.

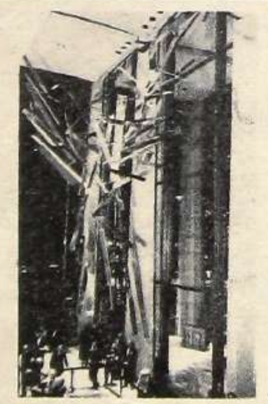
Американские рецензенты философически отмечают способность драматурга «наполнить сценическое пространство ощущением вины и ужасом перед насилием». Почему герои Пинтера убивают друг друга, за какие грехи, что они не поделили — таких вопросов у критиков не возникает. Искать логику и причинность в произведениях искусства на Западе считается неприличным. Ужасы должны быть абстрактными, насилие — отвлеченным. А то в поисках конкретного зла, не ровен час, и до политики, до обличения капитализма можно договориться...

ЗВЕЗДА ПОДЗАБОРНОГО ИСКУССТВА

Американская артистка Расти Уоррен выступает в ночных клубах и кабаре. Успех она имеет грандиозный.

Прежде чем сказать, какими достоинствами обладает эта артистка, мы перечислим, чем она не обладает. У нее хриплый, испитой голос. Она плохо держится, неуклюже двигается. Не умеет играть. Не поет и не танцует. Она не декламирует стихи, не жонглирует, не исполняет даже танец живота.

Теперь о том, что есть у Расти Уоррен. Она обладательница самого похабного репертуара в Соединенных Штатах Америки и, надо думать, во всем мире. Каждый вечер она выступает перед посетителями ночных клубов и осыпает их изысканнейшими заборными ругательствами. Она ходит среди столиков и вслух, со вкусом рассуждает о... детородных органах. Она лихо болтает на темы, от которых пришел бы в ужас любой порядочный жеребец, если бы он понимал английский язык.

АПОЛЛОН ИЗ ДОЩЕЧЕК

Взгляните на фотографию, взятую нами из американского журнала «Ньюсуик». Нет, нет, это не разваливающиеся строительные леса. Это скульптура под названием «Орфей и Аполлон» Ричарда Липпольда.

Не верите? Зрители тоже не поверили бы, если не табличка с названием...

И что же вы думаете? Ничего, проходит. Никто не ведет артистку в ближайший полицейский участок, никто не плюет ей в физиономию. Наоборот, она получает **пять тысяч долларов в неделю.**

ПОВАР-АБСТРАКЦИОНИСТ

Начав карьеру с должности поваренка, мосье Данниэль Споэрри довольно быстро вырос до солидного шеф-повара. Но бес тщеславия не давал ему покоя и в столь высоком чине. Споэрри хотел громкой славы, а не просто добропорядочной известности в кругах парижских гурманов.

Пораскинув мозгами, Споэрри решил стать поваром-абстракционистом. И стал им, буквально не отходя от плиты.

Этот новоявленный абстракционист сумел переплюнуть всех своих незадачливых предшественников. Какими жалкими потугами выглядят их мазня по сравнению с тем, что придумал Споэрри!

Заканчивает, скажем, очередной кутеж подгулявшая компания светских шалопаев. Официант приносит счет. Пока клиенты отсчитывают франки, появляется сам Споэрри. На глазах у изумленной публики он опрокидывает на белоснежную скатерть тарелки, бокалы, соусницы, салатницы, пепельницы... Образовавшуюся в результате этой нехитрой операции кучу объедков и окурков шеф-повар заливает универсальным клеем. И все! Готово новое произведение абстрактного искусства.

Едва успев заплатить по счету за выпитое и съеденное, клиенты могут уплатить и за объедки, правда, в несколько раз больше. Могут, конечно, и не платить. Это их личное дело. Потом на специальной выставке своих «произведений» Споэрри все равно получит за такой «натюрморт» солидный куш. Как сообщает печать, светские дамы устраивают драку за место в очереди на приобретение произведений Споэрри, несмотря на то, что его творения дурно пахнут в полном смысле этого слова.

Недоверчивому читателю все вышеизложенное может показаться вымыслом. Поэтому сообщаем, что ресторан повара-абстракциониста Споэрри находится в Париже, на улице Монфокон, 8, телефон ДАН-30-65.

Как только повар-абстракционист пошел в гору, он рассчитал настоящих официантов и нанял настоящих художественных критиков. При этом новоявленный метр изрек афоризм: «В данном случае критик действительно является посредником между художником и зрителем».

И, что самое поразительное, критики охотно пошли лакейстовать в заведение мосье Споэрри. Никогда еще выражение «ученый лакей буржуазии» не звучало в таком убийственно прямом смысле! Видимо, господам буржуазным «искусствоведам» совершенно безразлично, как прислуживать хозяевам: с пером или с подносом в руке.

На фото, заимствованном нами из «Нью-йорк геральд трибюн», бородатый критик Мишель Раго запечатлен в момент исполнения своих прямых обязанностей.

Новые кляксы

В защиту абстрактного искусства написаны сотни книг, авторы которых воспевают высший смысл разнообразнейших клякс, брызг и пятен. Но американский критик Гарольд Розенберг превзошел всех своей несокрушимой логикой.

Чем хорош в отличие от реалистического художника абстракционист, спрашивает критик. И сам же отвечает: тем, что он рисует то, чего никто никогда не видел.

А раз так, значит, произведения Леонардо да Винчи, Рафаэля, Рембрандта и всех других титанов живописи не имеют никакой цены, поскольку на их полотнах изображены знакомые всем вещи: прекрасные человеческие тела, природа, жизнь.

То ли дело два-три грязных мазка, цветная клякса, кривой желтый круг на сером фоне... Здесь, по словам Гарольда Розенберга, раскрывается новый мир, который никто никогда не видел, кроме самого абстракциониста да человека, которому так дали по физиономии, что у него искры из глаз посыпались.

Нечего сказать, прекрасный, оригинальный мир предлагает критик! Вместо голубого неба черный холст, столь излюбленный абстракционистами, вместо солнца черный крест, вместо людей кляксы, вместо мысли брызги с кисти, а вместо любви бирка с обозначением стоимости картины.

Но вот беда: даже иные буржуазные критики жалуются, что «новый мир» абстракции давным-давно повторяет себя, что все эти пятна и геометрические фигуры уже миллионы раз мелькали на одинаковых абстрактных полотнах и не говорят зрителю ничего нового, кроме не нового желания художника быть «новым» и подороже продать свою продукцию.

ПОКЛОННИКИ

Как видит читатель, постоянный отдел Крокодила «Таланты и поклонники» в этом номере журнала разделен на два. С отделом, посвященным «талантам» современного буржуазного искусства, читатель уже познакомился. Теперь ему предстоит узнать и поклонников этих «талантов». Но правильнее было бы назвать их идолопоклонниками. Потому что наши не столь уже многочисленные абстракционисты, формалисты и сторонники так называемой свободы искусства сделали для себя из растленной буржуазной культуры настоящего идола. Они изо всех сил карабкаются к «художественным высотам», достигнутым западными шарлатанами от искусства, чтобы заслужить их похвалу.

Забыв о том, на какой земле живут и чей едят хлеб, они кривляются, корчат рожи, стараясь перещеголять своих зарубежных духовных наставников. Жалкая, комическая картина!

Не мудрено, что художники и поэты Крокодила, наблюдая ее, позволили себе вдоволь посмеяться...

— А говорят, у меня нет собственного взгляда на искусство!

Рисунок Бориса ЛЕО

КРИТИЧЕСКИЕ ПУЗЫРИ

НЕПРИЛИЧНО!

Критик задумал сказать доброе слово о поэте.

Он сравнил поэта с радаром.

Мало!

Тогда он добавил: «Сейсмографическая чуткость к шорохам мира, звукам и краскам».

Еще не то!

«Удесятеренная отдача...»

Крепко, хотя и не очень понятно. И все равно мало!

«Самосгорание!»

Это уже открытие. И все равно недостаточно!

«Чарующая легкость и артистичность...», «Стремление помочь словом всему живому...», «Чувство вхождения в другую душу...»

Вот теперь как раз то, что нужно! Теперь давай и давай!

«Это ее понимает Шопен, это по ней звонят колокола Хемингуэя, это она невеста, которую ждет неизвестное...»

И это она мечтает «вылепить из лунного света тяжелый, осязаемый предмет...»

Эх, взять бы тот тяжелый предмет, да... остановить критика. И сказать ему одно-единственное «это» про его статью:

— Милый человек, это неприлично!

Неужели Владимир Огнев, дословно, в таких выражениях написавший рецензию на сборник поэтессы Беллы Ахмадулиной «Струна» («Литературная Россия», № 10), не понимает, что, задумав доброе слово о молодом литераторе, он, в конце концов, достигает результата прямо противоположного?! Читаешь рецензию и наполняешься чувством стыда за эдакие пузыри захлебнувшегося в восторгах и комплиментах критика!

А потом удивляемся: откуда у иных молодых вывихи и головокружение?

ИССТУПЛЕННАЯ СЕРЬЕЗНОСТЬ

Мы были бы рады поверить критику Б. Рунину, что «любовь к людям помогла поэту (Е. Евтушенко) найти себя и в любви к женщине».

Но вслед за этим утверждением опять идут такие дамские красоты стиля, такие «пузыри», такие безмерности, которые вконец подрывают доверие к критику.

«И когда эти оба чувства слились для него воедино, он заговорил с такой исступленной серьезностью, с такой драматической силой, что разговор с женщиной зазвучал, как разговор с историей...

Такой интонации, вместившей в себя нежность и мужество, ликование и гнев, не было прежде у Евтушенко. Чтобы сказать так, надо впитать в себя слезы века, тяготы эпохи, грозный гул времени».

Уф!

После такого критического гула, право, уже перестаешь различать все последующие «пронзающие ощущения трагедийности» и прочую «стенографию чувств»...

Вот с такой «исступленной серьезностью» излагает журнал «Вопросы литературы» (№ 2, 1963 год) «Уроки одной поэтической биографии».

Мудрено ли, что для такого урока, как упоминания об обидной фальши в стихотворении «Бабий яр», в этих «Уроках» и строчки не нашлось!

А. М.

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

Рисунок С. КУЗЬМИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

СОСУЩЕСТВОВАНИЕ ИДЕОЛОГИЙ

ПЕГАС
ИЛИ ТРОЯНСКИЙ КОНЬ?

…ы уверены, молодой чело-
…о все происходило именно так?

…исунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

КОМУ ОН СЛУЖИТ

С маху кисть пускает в ход.
С ходу краски в кучу валит.
Дескать, умный не поймет.
А дурак еще похвалит.

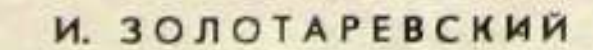
Ю. БЛАГОВ

ЧИТАЯ ИНЫЕ МЕМУАРЫ...

Все беспросветней,
все скучней.
Что ни страница —
тары-бары.
Ни прошлого,
ни наших дней...
Ни бе,
ни ме,
ни мемуары.

ЧТО ПОСЕЕШЬ...

Абстрактная продукция —
конкретная реакция:
он зрителям —
абстракцию,
они ему —
обструкцию.

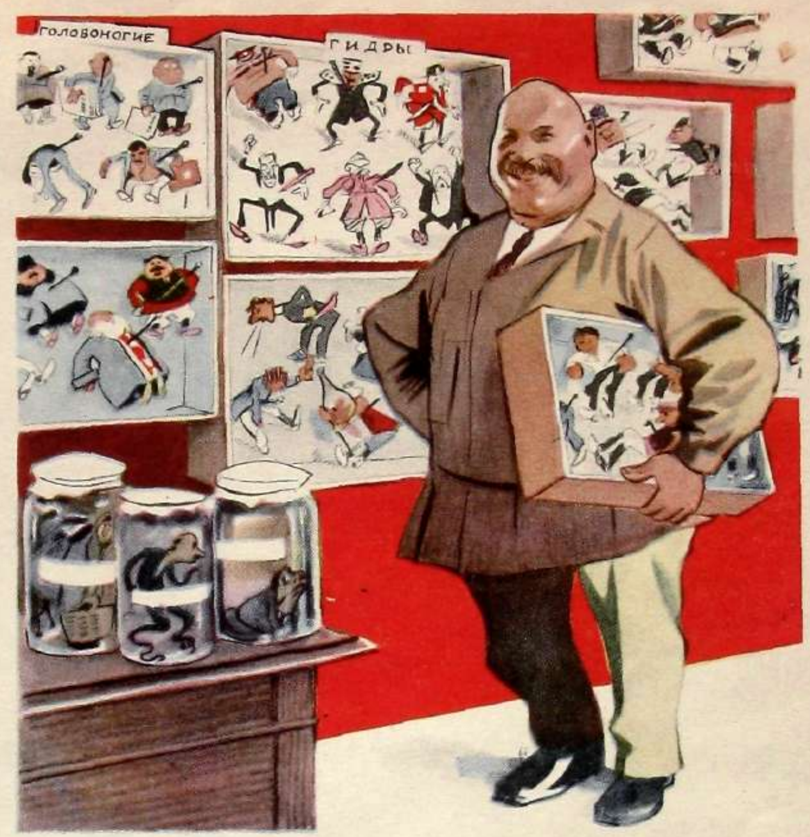
И. ЗОЛОТАРЕВСКИЙ

Насмотрелись...

Рисунок М. СОКОЛОВА

Дружеский шарж И. Дубасова (1929 год.)

НАШ ДЕМЬЯН

К 80-летию со дня рождения

Вопрос, кому принадлежит Демьян Бедный, всегда вызывал споры.

Красноармейцы и краснофлотцы считали его своим поэтом. Рабочие — своим. Крестьяне — своим.

А он принадлежал армии и флоту, рабочему классу и крестьянству, всем советским людям.

Простым, доходчивым народным словом, живой русской речью передавал Демьян народные думы.

И сам он, рослый, здоровенный, бритоголовый, обликом своим напоминавший российских богатырей Заикина и Поддубного, был сыном народа русского.

Помню, как встретился с ним в 1923 году на линкоре Красного Балтийского флота.

Дорогого гостя краснофлотцы обрядили в робу военмора. Но для этого краснофлотским портным пришлось скроить ему один бушлат из двух.

Он стоял среди окруживших его свободных от вахты матросов — большой и веселый матросище. Шел самый простецкий разговор про флотскую службу, про родные места моряков, про то, что пишут из дому.

Спрашивал гость, и его спрашивали:

— Из какой деревни сами, товарищ Бедный?

Интересовались:

— Это ваша настоящая фамилия или, как его... псевод, в общем, прозвище?

— Я из царской челяди,— важно пояснял Демьян, смеясь только глазами,— по метрике моя фамилия Придворов!

— Ну, а речь у вас, товарищ Придворов, совсем, извините, наша, мужицкая,— заметили прямодушные собеседники.— Вы же и сами себя называете «Демьян Бедный — мужик вредный». Что еще нам непонятно: знаменитый поэт, а порой чешете без всякой рифмы.

— Ну, если я рифмой начну всегда чесать,— в тон собеседникам ответил поэт,— вы, чего доброго, зачислите меня в классики.

Шел этот разговор на линкоре, величавом военном корабле, который вот-вот, как только осядет молоко тумана, должен был выйти в море. А казалось, что разговор идет где-то на завалинке, неторопливый, деревенский.

Простота сопутствовала этому большому человеку, чье имя присваивалось и фабрикам, и заводам, и рабочим поселкам.

А он, бывало, идет неторопливо со своим приятелем по Тверской и лущит жареные семечки, как старых времен мастеровой на воскресной прогулке.

В «Правде» Демьян Бедный появлялся часто, и секретарь редакции Мария Ильинична Ульянова по обыкновению спрашивала:

— Принесли, Демьяша?

Он протягивал листочек со стихотворным фельетоном. Мария Ильинична пробегала глазами написанное, и вот уже листочек в типографии. А потом начинался привычный демьяновский разговор, как на завалинке.

Родным домом поэта был и наш «Крокодил». Здесь под одной крышей судьба-волшебница свела трех выдающихся умельцев цеха стихотворной сатиры: Демьяна Бедного, Владимира Маяковского и Василия Лебедева-Кумача.

С первых дней журнала Демьян Бедный вошел в семью крокодильцев, встал в ряды «Картофеля» — коммунистической артели фельетонистов, как в шутку назвал Михаил Кольцов содружество собратьев по жанру.

Поистине характер творческой декларации журнала носило стихотворение Д. Бедного «На красного крокодила надейся...», помещенное в № 3 «Крокодила» за 1922 год — год рождения журнала.

У кого какие разумные планы и виды,
Кто пострадал от незаслуженной обиды,
Кто может указать сокрытые преступления
Или обнаружить застоявшуюся грязь,
Пишите нам письма без промедления,
Держите с нами деловую связь.
Потому —
Крокодилу одному
Не добраться до каждой щели и до каждого канальца,
А мы не хотим высасывать материал из пальца.
Печатаем мы краснокрокодильские тетради
Не зубоскальства ради,
А чтоб предавать карающему смеху
Все, что составляет для Советской власти помеху,
И всех, кто совершает преступления или глупости
По злому ли умыслу или по тупости!

Держать с народом постоянную «деловую связь» — вот в чем жизненная сила поэта.

Взял он себе незатейливое прозвище «Демьян Бедный», а оставил народу в наследство незабываемые частушки и басни, поэмы и песни — подлинное творческое богатство.

Л. МИТНИЦКИЙ

Демьян БЕДНЫЙ

Бил бы лбом

Гений шествует за гением!
— Эй, послушайте, юнцы,
«Пролетарским» самомнением
Зараженные певцы!

Я с тревогою сторожкою
Наблюдал ваш детский рост.
Вы пошли чужой дорожкою,
За чужой держася хвост.

Увлекаясь «стихопластикой»,
Возведя в канон «курбет»,
Вы дурацкою гимнастикой
Надломили свой хребет.

Вы, привив себе клинический
«Пролеткультовский» порок,
Дали взвизг неврастенический
Вместо мужественных строк.

Яд условности и сложности
В души юные проник,
Замутив до невозможности
Пролетарских дум родник.

Отравив себя отравою
Опьянительной и злой,
Вы кичитеся лукавою
Буржуазной похвалой.

Сквозь смешок пренебрежения —
Лести каверзной прием:
— Да! Вот это — достижение!
Браво, Кузькин! Признаем!

Кузькин пыжится, топорщится,
Сочиняет: — Бил бы лбом!
У станка читатель морщится:
— Ах, едят те! Бил! Был!.. Бом!..

Для земного пролетария
Тошен вид твоих красот.
Кузькин! Ждет тебя авария!
Снизься с дьявольских высот!

Иль непонятым прелестником
Ты умрешь в конце концов,
Однодневкою, предвестником
Новых, подлинных певцов!

1923 г.

Сейфеддин ДАГЛЫ

ЕЕ НЕ ПРОВЕДЕШЬ...

— И где ты только пропадаешь?!

— Пора бы знать.

— Да-да, конечно, на собрании был?

— Где же я еще мог быть?

— Бедненький! Ну, например, в парке, в кино. Мало ли у тебя знакомых женщин...

— Ради бога, перестань, не клевещи на меня! Дай лучше поесть!

— Пусть тебя кормит та, с которой...

— Тише! Дети услышат!

— Они давно спят. Любил бы детей — приходил бы вовремя...

В управлении, где он работал, собрания, в самом деле, бывали чуть ли не каждую неделю, и бедняга после семи часов работы еще часа три просиживал штаны в клубе или в кабинете начальника. А вечером, усталый, отбивался от нападок супруги.

— Знаешь что? — сказал как-то выведенный из терпения муж.— Не веришь — позвони в управление, узнай, где я был...

— Этого еще не хватало! Подумают, что я ревную.

Непрерывные собрания и следующие за ними скандалы вконец измучили беднягу.

А тут на беду случилось так, что однажды, перед очередным собранием, принял приглашение сослуживицы, тоже утомленной совещаниями. Сослуживица эта купила два билета в кино — для себя и подруги. Но в последний момент подруга, струсив, не решилась уйти с собрания...

«Будь что будет, сцены не миновать. Пойду посмотрю картину, отдохну. По крайней мере, не обидно будет...».

Домой он вернулся на целый час раньше, чем бывало в дни собраний.

«Скажу правду,— решил он.— Врать не буду!»

И на всегдашний вопрос жены «Где был?» он почти равнодушно ответил:

— В кино.

К величайшему изумлению, жена не вспылила и не раскричалась.

— С кем? — кротко спросила она.

— С сослуживицей...

— Небось, устал, проголодался?

— Нет, мы в буфете закусили...

— Ладно, не будем валять больше дурака! — нежно улыбнулась жена.— Стыдно: дети услышат. И, пожалуйста, не клевещи на себя. Меня не проведешь. Я звонила в управление, дежурный сказал, что у вас собрание. Умывайся и садись обедать...

Перевод с азербайджанского.

МЕЖДУ ПРОЧИМ

— Я здесь хозяин! — сказал хозяин. И все приглашенные почувствовали себя непрошеными гостями.

* * *

Утверждал, что его хата с краю, хотя все знали, что его двухэтажная каменная дача стоит в центре поселка.

* * *

Познакомившись с содержимым коробки «ДДТ», клопы хватались за животы и умирали от смеха.

А. ЧЕРНОВ

Колхозники спросили приезжего:
— Вы к нам уполномоченным аль по делу?

* * *

Философское определение подхалимства:
«Подхалимство есть осознанная необходимость казаться глупее своего начальника».

У. ЖУКОВИН

Качество пива полностью соответствовало названию ларька — «Пиво—воды».

* * *

Его портрет висел в красном уголке на черной доске.

* * *

— Лезвий нет и не будет! — отбрил продавец назойливого покупателя.

* * *

Чтобы согреться, жильцы топали ногами на управдома.

* * *

Когда он полностью овладел искусством передачи мыслей на расстоянии, выяснилось, что передавать ему нечего.

* * *

Истец норовил повернуться к суду пострадавшей стороной.

Т. КОНСТАНТИНОВ

НЕ ВЫДЕРЖАЛИ

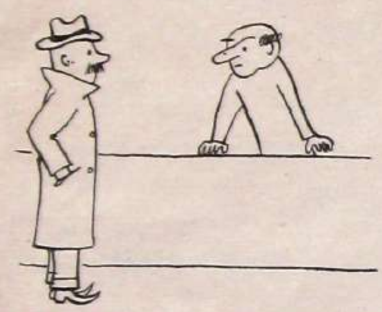
Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

ТОЧНО ПО ИНСТРУКЦИИ

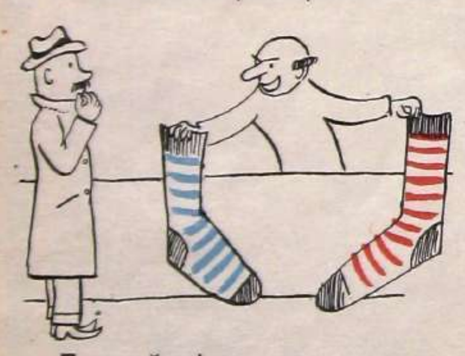

— Годен!

Рисунок С. СПАССКОГО

— У вас есть безразмерные носки?

— Пожалуйста!

Рисунок В. КАНЕВСКОГО

— Инфаркт?
— Нет, шеф попробовал из общего котла...

Рисунок В. ВОЕВОДИНА

Леонид ЛЕНЧ

Падший ангел

ПРАВДИВАЯ СКАЗКА

Жил в нашем городе один руководящий товарищ по фамилии Мамрыкин Максим Егорович, исключительной доброты человек.

Такой мягкий, такой деликатный и отзывчивый, ну просто прелесть. И ведь ничего такого особенного не делал для населения и не сделал, а вот поди ж ты, общая молва была — ангел!

Он слезу умел вытирать — тем и прославился.

Придет, скажем, к нему на прием сирая вдовица, сидит, разливанным морем разливается. И тут у нее плохо и там нехорошо. И с пенсией затерло и крыша на доме протекла, а с ремонтом тянут. Тут бы подтолкнуть, а там бы нажать! Явите такую вашу милость, товарищ Мамрыкин, подтолкните и нажмите!

Мамрыкин слушает, головой качает, сочувствует.

— Ай-ай-ай, ну что это у нас за люди!.. Разве можно так обращаться с вдовами в нашу светлую эпоху, когда повсюду наблюдается полный гуманизм?

И у себя в блокноте красным карандашиком — чирк-чирк!

У вдовицы слезы давно высохли, а Мамрыкин все сочувствует, все приговаривает и причитает.

До того себя взвинтит, что сам заплачет, и вдовице приходится отпаивать его водичкой из близстоящего графина.

Потом выйдет она, растроганная, просветленная, из кабинета в приемную и обязательно скажет другим ожидающим:

— Ангел! Сущий ангел!

А через месяц-другой, смотришь, та же вдовица в мамрыкинской приемной наступает на испытанную секретаршу:

— Пропустите меня к нашему ангелу, дело мое не движется ни по линии пенсии, ни по линии крыши!

Секретарша в ответ режет, как бритвой:

— Нельзя! Товарищ Мамрыкин дал указания, они спущены куда надо, там и добивайтесь чего вам нужно!

И все это брехня! Никаких указаний Мамрыкин никому не давал и никуда их не спускали, а просто он утер очередную слезу. Утер и тут же забыл про нее.

Но в глазах вдовицы все равно он ангел, а другие неслухи бесчувственные!

А еще любил Мамрыкин прощать проштрафившихся. Доложат ему: такой-то украл малую толику казенного добра, такой-то нагрубил, такой-то в пьяном виде вылез голый из бани и пугал население, поскольку покрыт по всему телу густой, как бы овечьей шерстью.

Мамрыкин подумает и скажет:

— Наказать их, конечно, надо, но учтите и смягчающие обстоятельства. Ну, украл этот — так ведь сами же говорите, что он малую толику украл, а не большую. Тот нагрубил посетителю — согласен, нагрубил, но по уху-то не ударил! А который в голом виде вылез из бани и пугал народ своим шерстяным покровом,— он же не виноват, что его в шерсть бросило! Передайте ему, чтобы побрился повсеместно!.. И вообще надо помнить, что пережитки прошлого в каждом из нас сидят. Пережиток — он, как солитер: чем больше сосет, тем скорее растет. Ступайте, наказывайте, но... проявляйте гуманизм!..

Однажды сцапали у нас некоего Пирамидова, дельца из местной промышленности. Крупный карась, жулябия высшего разряда.

У него три любовницы было: русалка, дриада и горная фея. И каждой он по дачке выстроил: русалке — на берегу озера, дриаде — охотничий домик в лесу, фее — коттедж на холмах. На четвертой даче сам жил с законной супругой и детками. А любимое удовольствие Пирамидова было играть с дружками в преферанс на сожжение: кто проиграл — проигрыш партнерам не платит, а тут же, за столом, запалив спичку, сжигает одну бумажную купюру за другой, пока не сожжет их на полную сумму проигрыша. Когда следователь спросил одного из партнеров Пирамидова, в чем был смысл игры в карты на сожжение, тот сказал:

— Денег у каждого много было, а тратить боязно: скажут, наворовал! Куда их девать? Вот и... палили! Все-таки щекотит!..

...После ареста Пирамидова к Мамрыкину пришла домой целая комиссия: прокурор, редактор газеты и еще один товарищ из контроля. Все ему рассказали: и про комбинации пирамидовские, и про его любовниц — про русалку, дриаду и фею,— и про игру в карты на сожжение.

Мамрыкин слушал, качал головой. По поводу трех любовниц заметил, усмехнувшись: «Многовато!»,— а услыхав про игру в карты на сожжение, нахмурился и сказал: «Ишь ты, какие геростраты!» Потом сделал заключение:

— Наказать надо, но учтите...

И пошел... про пережитки прошлого и про гуманизм! Тут товарищ из контроля не выдержал.

— Извините,— говорит,— но гуманизм и Пирамидов — явления взаимоисключающие.

А прокурор возьми да и брякни:

— В деле Пирамидова есть неприятная деталь, товарищ Мамрыкин. Он, между прочим, показал, что мебельная фабрика, ему подчиненная, доставила вам на дом спальный гарнитур. И еще супруге вашей кое-что было послано. А деньги не получены. Как это надо понимать?

Мамрыкина как будто электрическим током ударило пониже спины.

Взвился и в крик:

— Какой-то жулик вам наплел с три короба, а вы и уши развесили!.. Подрыв авторитета! Клевета!.. Я вам, да я вас... в бараний рог... в три погибели!..

Из глаз — пламя, из ноздрей — дым. Вот тебе и ангел!..

Ушел из комнаты, не попрощавшись. Потом супруга его явилась, Дарья Тимофеевна. Глаза красные, в кулачке скомканный платочек.

— У Максима Егоровича приступ! Как это нехорошо с вашей стороны моего ангела доводить до крайности.

Прокурор извиняется, дескать, он по долгу службы. Спрашивает:

— А скажите, Дарья Тимофеевна, это правда, что Пирамидов бывал у вас в доме?

— Бывал! Ну и что из этого?

А потом потупилась, бедняжка, и добавила:

— А насчет денег Максим Егорович просил передать, что... внесем завтра!

...Через неделю слышим: Мамрыкин с супругой отбыли на курорт. Вернулись через месяц и опять куда-то уехали. А потом тихо-тихо и совсем исчез куда-то наш ангел. По одним сведениям, его на небо взяли, где и полагается обитать ангелам, по другим — взять-то взяли, но очень скоро с неба низринули. И где, в какой преисподней обретается теперь этот падший ангел, никто достоверно не знает.

А может быть, он снова вознесен? Мало ли чудес на свете!..

Марат КАРИМОВ

Промазал

Слышу:
«Это, брат, не шутка,
Метит в преды наш Марван!»
Отвечаю:
«Это утка,
Он же редкостный профан!»
М-да... а вдруг и впрямь...
Марван?
Я пол-литра взял в карман.
Прихожу к нему с бутылкой.
Здравствуй, друг!
Пожатье рук.
Разговор душевный,
Пылкий:
«Ты, Марван,
Мой лучший друг!
Мне начхать, что будешь пред —
Это дружеский обед...»
И домой к себе Марвана
Привожу я на такси.
Три пол-литра, полбарана.
«Выпей, друг мой!
Закуси».
Шаль дарю его жене —
Ничего не жалко мне!
Вдруг, как обух,
В оба уха
Слух меня ужасный бьет:
Не избрали предом друга,
Дал отвод ему народ!
Эх, промазал я, болван!..
Шаль какая...
А баран!..

Перевел с башкирского
Иван ЗАКОНОВ.

СЕВ... БУМАЖНО-ЦИФРОВЫМ МЕТОДОМ

Чем должны были заниматься специалисты в совхозах с 15 февраля по 1 марта? Странный вопрос: весна на носу, значит, нужно было к весеннему севу готовиться.

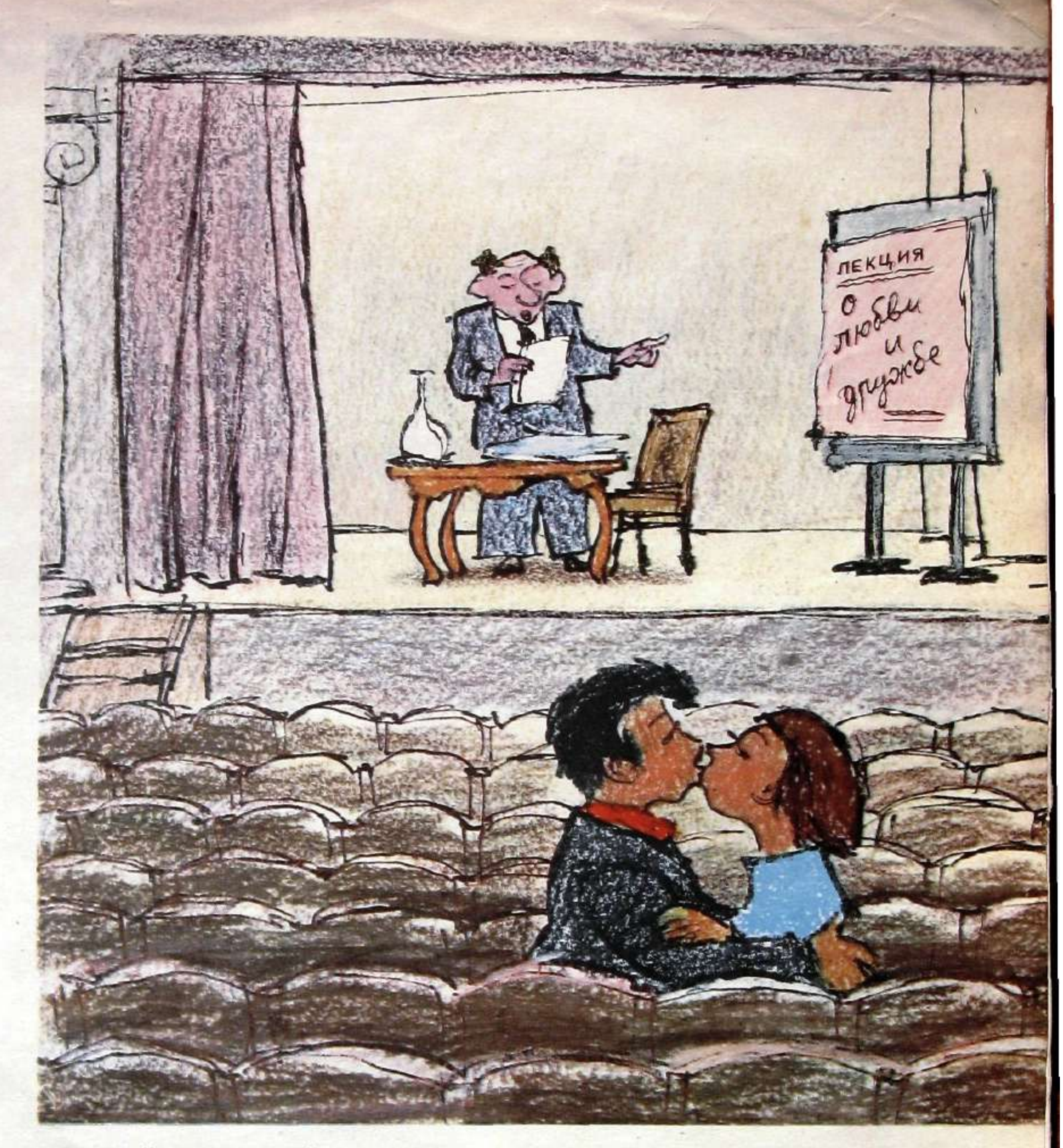
Так мы думали по своей наивности. А теперь изменили свою точку зрения. Вразумили нас сведущие люди. Оказывается, за эти две недели следовало ответить на две тысячи вопросов, собранных в книжке «Инструментарий по изучению результатов применения новой системы оплаты труда в совхозах». Эта книжка разослана в 220 совхозов Российской Федерации со строгим наказом—заполнить все графы, переписать в двух экземплярах и вернуть «заказчикам».

Мы подсчитали: если на каждый вопрос потратить лишь 10 минут, и то понадобится 54 человеко-дня. Иными словами, каждый совхоз обязан бросить на бумажно-цифровой сев 4—5 специалистов.

А полевые работы — они сами собою выполнятся.

Видимо, так думали два товарища, разославшие «Инструментарий» и подписавшиеся на препроводительной в таком порядке:

«Начальник управления организации труда и зарплаты Министерства производства и заготовок сельхозпродуктов РСФСР
Г. ОЛЕЙНИК
Заместитель директора Всесоюзного научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства
М. НАПОЛЬСКИЙ».

ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

ПОКАЗУХА С ДИПЛОМОМ

Задребезжал телефонный звонок. Сверху спросили: чем порадуете выставку?

Звонок вдохновил. Руководители Минского подшипникового завода бодро доложили:

— Есть новинка. Пришлем комбайн!

Сказано—сделано. Вскоре комбайн, предназначенный для автоматической сборки карданных подшипников типа «804704», был отправлен на Выставку достижений народного хозяйства СССР. Почти год стоял он там в качестве шедевра подшипниковой промышленности. Домой комбайн вернулся помпезно: с дипломом третьей степени.

Отгремели торжества. Руководителю работ главному инженеру, ныне уже директору завода И. Гаврилову и автору проекта В. Погодаеву вручили бронзовые медали, а участникам изготовления — ценные подарки.

Все надеялись, что с запуском этой машины на сборке подшипников произойдет подлинный переворот. Ведь комбайн способен производить семь операций, большинство которых ранее выполнялось вручную, собирать за смену 5—6 тысяч подшипников, заменить 5—7 рабочих.

Комбайн установили. Красавчик выглядел очень импозантно. Олицетворял технический прогресс. Только одно маленькое обстоятельство смущало виновников торжества: не действовал комбайн-то. По причине конструктивного несовершенства.

Начались, конечно, собрания, совещания и теоретические конференции. Сходились на том, что надо заставить комбайн работать.

От лица руководства бывший секретарь парткома, а ныне заместитель директора завода И. Мухля заверил массы:

— Не пройдет и полмесяца—комбайн будет запущен.

Заявление было встречено бурными аплодисментами, перешедшими в овацию.

Между прочим, с тех пор, как дипломированная показуха вернулась восвояси и стоит недвижимо, минуло более полутора лет.

Г. ЧЕРНИКОВ

г. Минск.

И СТАЛО ЧЕРТЯМ ТОШНО...

Рисунок Ю. ГАНФА

1

Умер клеветник и склочник. И вознесся к небесам. А его за грехи и безобразия — в ад. В котел со смолой. Ему бы кипятиться да каяться. А он опять за свое: тут же сочинил кляузу на черта-истопника: мол, дрова продает «налево», а смолу керосином разбавляет. И назвал жалобу «Вельзевул, ау, где ты?»

2

Комиссия из трех чертей кляузу рассмотрела и признала: «Все ложь, клевета. Черт за тыщи лет ни в чем не замечен. Такого черта и среди ангелов не найти». А кляузник настрочил на тройку новое заявление: «Родня они тому черту — это раз, взятки брали с него — это два, выпивали вместе — это три...»

В общем, черт-те что про чертей написал.

3

Пришлось новую комиссию создать, теперь уже из шести чертей. Разобрались черти. Все отвергли. А он — на них доносик. Обстоятельный. Дескать, все жулье — понастроили себе дач из леса, предназначенного для поджаривания грешников. Да к тому еще они тайные агенты Архангела Гавриила. Допросить бы их, голубчиков, небось, не отвертятся.

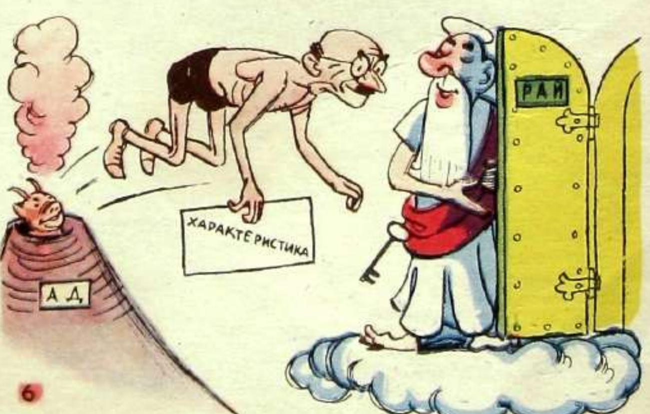
4

Всполошились в аду. Назначили шесть комиссий: в некоторых почти по дюжине чертей, в некоторых больше, а всего семьдесят восемь чертей, поскольку дюжины были чертовы. Потом и остальных бросили на проверку работы этих шести комиссий. И все черти занялись расследованием доносов. Работа в аду пришла в полное запустение.

5

Грешники распустились до невозможности. Вместо того, чтобы скромно поджариваться на сковородках, кипеть в котлах или смотреть фильмы Ялтинской киностудии, играли в преферанс, в кегли и даже организовали ансамбль песни и свистопляски под названием «Рай в аду».

6

Наконец черти нашли выход. Снабдив кляузника отличнейшей характеристикой, они выставили его в рай. Думаете, угомонился? Ничуть! Тут же накатал заявленьице: зав. райскладом, дескать, крылышки ему подсунул с чужого плеча. А еще на всю ангельскую братию такое понаписал, что жизнь в раю стала адом.

Нам не хотелось бы пугать бывших соседей, сослуживцев и родственников кляузника, но, по слухам, измученные великомученики ходатайствуют о его воскрешении и водворении обратно на землю.

Просто анекдот

— Почему ты не выходишь замуж за Сергея Ивановича?

— Просто не знаю, что делать: мужчина он видный, интересный, но не умеет готовить.

*

Из автобуса выходит женщина. Кондуктор кричит ей вслед:

— Вы забыли в машине сверток!

— Не беспокойтесь, мой муж работает в бюро находок. Это его завтрак.

*

— Доктор, приезжайте поскорее, умоляю, у моей жены аппендицит!

— Не волнуйтесь, дорогой. Я лично два года назад вырезал вашей жене аппендикс. Вы слыхали когда-нибудь, чтобы у человека появился второй аппендикс?

— А вы никогда не слыхали, что у человека может появиться вторая жена?

*

Разговор между Чарли Чаплином и Альбертом Эйнштейном.

Эйнштейн: Меня особенно восхищает интернациональный характер вашего искусства. Весь мир восхищается вами, потому что все понимают вас.

Чаплин: Ваша слава еще более необычна. Весь мир восхищается вами, хотя никто вас не понимает.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Медведь, сделав несколько шагов, поднялся на задние лапы и стал медленно приближаться к альпинисту. Ефремов, прижавшись к скале, достал кинжал, приготовившись к смертельной схватке. Но зверь подошел вплотную к нему и остановился, как бы прося примирения: медведь, видимо, боялся во время борьбы упасть в ущелье. И человек тоже не тронул медведя. Похлопав его по спине, альпинист пошел дальше...»

(Из самаркандской областной газеты «Ленинский путь».)

●

Если, друг наш дорогой,
В жилах твоих кровь,
Не оброс ты бородой
И не играл в любовь,
Ты талантлив если,
Красив собою сам,
Не любишь граммов двести...
Таков ты нужен нам
на комсомольско-молодежном вечере
6 марта в 19.00.

(Из пригласительного билета, разосланного Домом культуры имени Маяковского.)

Доставил **И. ШАМАНОВ.**

г. Ленинград.

Это было в Стокгольме

Стокгольм рано просыпается и рано ложится спать. Шведы трудолюбивы, но медлительны. Один стокгольмский знакомый уверял меня, что торопиться шведам некуда:

— Сколько ни спеши, а пенсию раньше 67 лет не получишь.

Действительно, здесь никто никуда не торопится. Поезда метро ходят с интервалами в 10—15 минут, автобусы — и того реже. Мне объяснили, что ритм жизни вполне соответствует названию города. «Сток» — в переводе означает «бревно», а «гольм» — «остров». Итак, Стокгольм — это бревно-остров. А бревно, как известно, поворотливостью не отличается.

Но на самом деле название города основано на легенде. В тринадцатом веке у выхода в море из озера Мелорен появились первые люди. Они решили основать здесь поселение, но какой из местных островов выбрать для этой цели, не знали. Тогда люди пустили по течению бревно. Его прибило к одному из островов. Здесь-то будущие шведы и основали свою будущую столицу. Надо сказать, что они зря тратили время на гадание. С таким же успехом можно было выбрать любой из островов, так как впоследствии город занял все четырнадцать. Предки шведов не отличались дальновидностью.

Некоторые потомки древних викингов унаследовали у предков эту черту характера. Сменив рогатые шлемы на более современные, хоккейные, они не стали дальновидными.

В противном случае они бы не устраивали мирового первенства по хоккею на своей земле. Три раза шведы были чемпионами мира по хоккею с шайбой, и все три раза добивались успеха на чужой территории. И наоборот: трижды они были гостеприимными организаторами мировых первенств у себя дома и все три раза проигрывали. Будь они дальновидны, они бы и на этот раз не стали предсказывать в газетах победу своим хоккеистам. Теперь земляки обвиняют шведских журналистов в недальновидности. А они не виноваты. Виновата наследственность.

* * *

С тех пор, как телевидение научилось шагать через горы, моря и рубежи, у радиокомментаторов и журналистов появились дополнительные трудности. Теперь на экранах телевизоров все отчетливо видят, что происходит на поле, даже если поле находится за тремя границами. Радиокомментатору приходится смотреть в оба. Осложнилась жизнь и у корреспондентов. Ведь утреннюю газету разворачивает читатель, который накануне был телезрителем, и вряд ли ему интересно читать про то, что он видел собственными глазами.

И все-таки, дорогие телезрители, не задавайтесь. Кое-какие детали объектив телекамеры не углядел. Одна из стокгольмских газет не без ехидства писала: «Миллионы телевизионных зрителей в разных странах Европы видели, как искусно играли советские хоккеисты в матче со Швецией. Но, к сожалению, телезрители не смогли увидеть на своих экранах, из какого дерева сделаны советские клюшки, ломавшиеся, как спички».

Не только телезрители, но и мы, сидевшие на трибунах стокгольмского стадиона, не могли этого понять. А ведь клюшки ломались. И как ломались! По шесть-семь за игру. Сколько раз в решающий момент наш игрок оказывался без оружия. И каждый раз это не шло нашей команде на пользу. На матче Чехословакия — СССР в драматический момент нападающий Александров оказался один на один с чешским вратарем. Размахнувшись, он ударил. Это был верный гол. Кто-то на трибуне восторженно крикнул: «Шайба!» Увы, он не то крикнул! Он должен был крикнуть: «Клюшка!» Она сломалась в момент удара, и шайба осталась лежать на льду. Качество продукции отразилось на качестве игры.

Возвратившись в Москву, я позвонил на Московскую экспериментальную фабрику спортивных изделий, что находится в Лихоборах, и повторил вопрос,

Поскольку хозяевам ледяного поля не удалось завоевать золотые медали, шведские карикатуристы предлагают своей команде в будущем играть специальными «загребущими» клюшками.

заданный стокгольмской газетой. Директор фабрики Екатерина Михайловна Кочеткова со слезами в голосе объяснила:

— Чтобы клюшки были легкими и прочными, нужна колотая молодая древесина. Однако, как мы ни бьемся, нам поставляют пиленую старую. Да еще третьих-четвертых сортов.

Итак, лихоборцы вроде не виноваты. Виноваты поставщики. Я надеюсь, что последние не оставят вопрос без ответа. Нужно ответить. Можно и через Крокодил.

* * *

Болельщик в Стокгольме организованный. Он не кричит в одиночку или вразнобой — кто в лес, кто по дрова. Он кричит хором. На решающих матчах чемпионата этот хор включал от 14 798 глоток (матч СССР — Швеция) до 15 997 (матч СССР — Канада).

Капелла болельщиков, как и всякий уважающий себя хор, повинуется мановению дирижерской палочки. Таковой может служить зонтик, древко с флагом, на худой конец обломок клюшки. Самодеятельные дирижеры размещаются на разных концах трибун, и отлично спевшийся хор рявкает «Хейя! Хейя!», что по-шведски означает: «Давай! Давай!»

Надо признать, что в основном хор болельщиков орал справедливо. Оглушительным «У-у-у!» он провожал со стадиона защитника американской команды Киррана. В матче с Финляндией Кирран бил клюшкой не столько по шайбе, сколько по ногам противников. Застигнутый на месте преступления, он был приговорен к двухминутной отсидке. Однако мистер Кирран посчитал, что чехословацкий судья не имеет права осуждать североамериканского супермена, и вместо того, чтобы отправиться за барьер, продолжал как ни в чем не бывало кататься по льду. Судье пришлось пригласить шведских блюстителей порядка, и мистер Кирран был выдворен с поля на всю игру под общее ликование трибун. Между тем, будучи истым американцем, мистер Кирран понимал, что без рекорда ему на родине не прославиться. И он установил рекорд чемпионата. Рекорд по удалению. Из 420 минут, проведенных его командой в игре, он 91 минуту просидел на скамье оштрафованных.

Один-единственный раз чувство справедливости изменило капелле болельщиков. Двести моряков советского торгового судна пришли на матч Канада — СССР и дружно кричали: «Шай-бу! Шай-бу!», — а стокгольмский хор натужно мычал, чтобы заглушить голоса наших ребят.

Но как ни болели шведы за канадцев, золотые медали чемпионов мира и Европы увезли в своих чемоданах советские хоккеисты.

Н. ЛАБКОВСКИЙ,
специальный корреспондент Крокодила

Стокгольм.

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМИРНОВ, А. А. СУКОНЦЕВ, Е. А. ШУКАЕВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА». Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Издательство «Правда».

А 00061. Изд. № 167. Подписано к печати 29/III 1963 г. Формат бум. 70×108 1/8. Тираж 1 700 000 экз. Заказ № 809. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

По примеру США Франция обхаживает генерала Франко, добиваясь размещения своих военных баз на территории Испании. (Из газет).

Рисунок КУКРЫНИКСЫ

Цена номера 12 коп.

Индекс 70436.